

Мужик

Антон Боровицкий

Содержание

Сплю я тут как-то ночью, и снится мне сон. Да не простой, а «золотой», словно у Сергея свет Лукьяненко, коего безмерно уважаю и даже немного на пьедестал возношу.

И вот снится мне, что еду я в вагоне метро. Комфортабельном таком, с удобствами. Их ещё в новостях показывать любят, когда новые ветки открывают или вообще, чтобы дух народный поднять. Всюду USB-розетки, строки бегущие, кондиционеры приветливо шуршат. Народ тоже подстать: вежливый и немногочисленный. В общем — красота.

Еду я, еду, и что-то заскучал. А я когда скучаю — туши свет, сливай воду. Не так, конечно, чтоб очень, но по сторонам озираться начинаю да телодвижения ненужные совершать. И вот дернул меня нечистый прогуляться в другой вагон. Мой-то сквозной, через весь состав, но вот есть в ближнем конце дверка. И я, недолго думая, в дверку ту и шасть!

Прохожу я, значит, в неё, и сразу понимаю, что дал маху. Хорошего такого, серьёзного, немалой поражающей силы. А всё потому, что оказался я в старом, ревущем вагоне. Из этих самых, из синих. Что Брежнева молодым и вменяемым запомнили.

Оглядываюсь я, и понимаю, что вагон — это полбеды. А есть и настоящая беда: пассажиры, данное пространство населяющие. Тётки с бутылками и волосами невымытыми. Дядьки с татуировками на пальцах: «Вася», там, или «Коля». Где-то ребёнок надрывается. В общем, джекпот.

Гляжу на это растерянно, а за спиной незаметно ручку — дёрг, дёрг. Но не открывается дверка и даже не двигается. Словно заперли её и для надёжности сервантом с другой стороны подпёрли.

Делать нечего. Протискиваюсь, вежливо улыбаясь, к выходу и прирастаю к поручню, аки богомол. Скоро, думаю, остановка, там и сдёрну. Подальше от рабочего класса.

Стою я, стою, да секунды считаю: тик-так, тик-так. И чую загривком дружественные взгляды попутчиков.

И вот она, завязка. Точка, мамочку её, невозврата. Берут меня ласково за плечико, да и тянут, перегаром пивным дыша. Поворачиваюсь я, стало быть, медленно и узреваю пред собой мужика. Не большого, и вовсе не Шварценеггера. Но мне и такого хватит.

«Не провоцируй его, — думаю. — Притворись мёртвым, авось да уйдёт... до ближайшего ларька».

И вот замер я, и даже, кажется, не дышу. Только мужик не уходит. И поезд, гад, всё никак до заветной станции не доползёт.

Смотрит мужик тяжело, хмурится. Глазки маленькие, недобрые. Пивом залитые да чебуреками из кошек закиданные.

— Ты, — говорит, — чего тут?

— Не знаю, — отвечаю. Чистую правду, между прочим. Дёрнул же чёрт приключений на кормовую часть искать!

Хмыкает мужик, меряет меня взглядом.

— Побазарим? — спрашивает, костяшками картинно щёлкая.

Тут я понимаю, что будут меня бить. А меня бить нельзя, я натура хрупкая и вообще — без пяти минут культурное наследие.

— Может, не надо? — уточняю с надеждой.

— Может, и не надо, — скалится он. — Я ещё не определился.

Чутка выдыхаю. Мужик-то подраться явно не дурак, а я — тот ещё боец. Сил диванных операций.

— Ты кто вообще по жизни? — помолчав, спрашивает мужик.

— В смысле — чем занимаюсь? — уточняю осторожно.

— Ну а я что сказал? — возмущается мужик. Холодею, но держусь. Надо дотянуть до станции. И желательно без серьёзных травм.

— Писатель, — говорю. — Талантливый, но малоизвестный.

— Ясно, — усмехается мужик. — Из этих, значит.

— Из каких — этих? — набираюсь смелости я.

— Еврей? — спрашивает он в лоб.

— Каюсь, — говорю, — подвёл меня папаша. А что?

— А то, что страну вы, твари, разворовали, — надвигается он устрашающе. Понимаю, что кирдык подкрался незаметно. И что один у меня шанс: заговорить ему зубы.

— Я, — говорю, — не разворовывал. И вообще честно тружусь.

— Вы, — подходит вплотную мужик, — честно не можете. Сплошь банкиры да олигархи. Потому как все заодно и кровь народную пьёте.

И одолела меня вдруг обида. Ладно, что побьют, но чтоб за чужие грехи?

— Не на того, — возражаю сквозь перегар, — гневаешься. Не друзья они мне, и даже не родственники. И кровь мою пьют точно так же. Такого же цвета и консистенции.

Призадумался мужик. Но глаза всё равно злющие.

— А кровь они пьют, потому что банкиры, — уточняю вслед, пока он не передумал. — А не потому, что еврей. Думаешь, если я в банк приду, то мне, как своему, ипотеку закроют да ещё сверху отсыпят? Шалишь, — говорю, — вместе нас в том банке закабалят. О чём ещё дедушка Ленин предупреждал.

— Так ты из тех, значит, — щурится мужик, нежно беря меня за грудки. — С флагами.

— С какими? — уточняю с некоторым даже интересом. — Флагов нынче много. Всех цветов радуги.

— Коммуняка, — выдыхает мужик, занося кулак. Не такой, между прочим, и маленький.

Понимаю, что про Ленина — это я зря. Мало мне было приключений!

— Стой, — пишу, жмурясь и отворачиваясь. — За что?!

— Да за всё, — цедит мужик бешено. Так, что ясно — мордобоем уже не отделаюсь. — За совок, дефицит да очереди, мамка мне рассказывала. И страну твой Ленин развалил. Бомбу заложил, из-за которой сейчас...

— Всё было, — чащу я, трепетно ожидая народной кары. — Наощупь шли, ошибались. Только я лучше в очередях постою, ежели под мирным небом. И матушке твоей не мешает про бесплатные квартиры и прочее, ныне недоступное, вспомнить. А про бомбу — ты уж определись, кто страну-то развалил. Банкиры али большевики.

— А заваруху с укропами кто устроил? — рычит мужик. — Твои же, красные, в телевизоре оправдывали!

И вот тут берёт меня уже злость. Не люблю, когда со всякими равняют!

— Они не мои, — поясняю с некоторой даже гордостью. — И даже не сильно красные. Ильич бы с ними на один броневик не залез, а товарищ Сталин, ещё Первую мировую остановить призывавший... в общем, разобрался бы. Потому как несправедливая это... операция, неправильная. Драка богатых с богатыми нашими с тобой руками. За которую и здесь, и там, простые мужики расплачиваются. Как всегда.

— У них нацисты, — хрипит мужик, воротник не отпуская. — А у нас правда, исконная. За своё воюем. И в совке твоём тоже Афган был!

— Нет тут правды, — отвечаю, — одни лишь бабки да дерибан. Нацисты, конечно, там имеются, только и у нас их немало. А в Афгане, к слову, за 10 лет меньше полегло, чем сейчас за два года. И воевали мы за мир и прогресс против чертей бородатых в тряпках, что в средневековые людей тянули. И ушли наши оттуда, школы и больницы оставив, а не поля опиумные да фабрики героиновые.

— А сын мой? — ревёт мужик. — Колька? За что он тогда под Авдеевкой лёг? За что?!

...И вот тут становится мне его жалко. Ужасно, прям до слёз. Гляжу на него и понимаю, что вовсе он не страшный. Что простой работяга, жизнью сволочной побитый, работой тяжёлой замученный и горем свинцовым, отцовским к земле придавленный.

— Прости, — говорю, — мужик. Соболезную, не знал я. Хочешь — врежь мне, если полегчает.

— Да иди ты, — отпускает меня он. — Я тебя соплёй перешибу. Писатель...

— Станция «Площадь Революции», — объявляют вдруг. Останавливается мой «брежневский» вагон, распаивает двери. Как бы приглашая ретироваться.

— Ну что встал? Иди, — машет рукой мужик, отворачиваясь. — Твоя остановка. Не моя.

Поворачиваюсь, делаю было шаг к свободе, и вдруг понимаю, что не могу.

— Не пойду никуда, — говорю. — Вместе поковыляем. В светлое будущее.

— Спаситель нашёлся, — грустно улыбается мужик. — Много вас умных.

— Я, конечно, не Ильич и даже не Че, — соглашаюсь. — Но и моё слово тоже чего-то стоит. Да и знания некоторые имеются, весьма для нас небесполезные.

— Откуда? — смотрит на меня мужик. С надеждой смотрит. Так, что в сердце щемит.

— От умных людей, — отвечаю. — Писателей не чета мне, которых ты тоже соплёй перешибёшь. Поэтому поднимайся, мужик, зови друзей и пошли к машинисту. Будем разворачивать состав, пока он в конечную не упёрся. Иначе всё, амба. Приедем всей планетой.

— Думаешь, сможем? — сомневается мужик.

— Нет у нас выбора, — отвечаю. — Должны смочь, обязаны. Потому что все мы, если подумать, в одном поезде едем. Даже те, что в первом классе. И летит тот поезд в пропасть, и некому дёрнуть за стоп-кран. Кроме нас, мужик, некому.

Кроме тебя, мужик.